

## Николай Кокухин

*Николай Петрович Кокухин – родился в 1938 году в Красноярском крае. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Член Союза писателей России. Книги выходили в издательствах: «Ковчег», Святителя Игнатия (Брянчанинова), «Эксмо», Подворье Троице-Сергиевой Лавры, «Русский хронограф», «Дар», «Роман-газета», «Общество сохранения литературного наследия», «Даниловский благовестник» и др. Лауреат премии «Имперская культура» им. Эдуарда Володина. Живёт в Москве.*



### ДАЧА СТАЛИНА

Рассказ

#### I

Я много раз бывал на Новом Афоне, но о даче Сталина услышал только в нынешний приезд. Случилось это так. Поднимаясь по выложенной булыжниками дорожке к монастырю, я остановился около сколоченного из гладких досок прилавка, на котором стояло несколько бутылок. Вывеска над прилавком гласила: «Оригинальный абхазский коньяк». Я знал, что никакой это не коньяк, а самый заурядный самогон, которому продавец придал весьма отдалённый запах благородного напитка.

– Божественный дар Кавказа! – расхваливал свой товар продавец, приземистый, с солидным брышком абхаз с бордовым мясистым носом. – Божественный! Выдержка – семь с половиной лет!

Он, конечно, заливал: напиток был изготовлен не семь с половиной лет назад, а самое большее семь с половиной часов. Покупатели – мужчина лет пятидесяти, в рубашке с короткими рукавами, высокий, кряжистый, сильный, похожий на сибирский кедр, и его супруга, стройная блондинка в роскошной панаме бирюзового цвета, – воспринимали разглагольствования продавца как местный фольклор. А я, собиратель разных историй, тем более.

– А крепость какая? – спросил «кедр».

– Не меньше шестидесяти, – с гордостью заявил абхаз. – Попробуйте.

Он налил две металлические рюмочки и подал покупателям.

– Назвался груздем – полезай в кузов, – сказал «кедр», опрокинув в рот содержимое рюмочки.

Человек бывалый, он сразу понял, что коньяком тут и не пахнет.

– До шестидесяти явно не дотягивает, – сделал он заключение, поставив рюмочку на прилавок.

Блондинка последовала его примеру, едва дотронувшись губами до содержимого рюмочки.

– Сразу видно, что вы разбираетесь в крепких напитках, – похвалил мужчину абхаз. – Вы, наверно, северянин?

– Из Тюмени. Нефть добываем, – отозвался «кедр».

– Хорошим делом занимаетесь. – Абхаз между тем положил в полиэтиленовый пакет с видом озера Рица объёмистую бутылку. – Сибирь – страна холодная, но с абхазским коньяком вы не замёрзнете. – И с этими словами вручил пакет «кедру».

– А что тут можно посмотреть? – спросил тот, расплатившись с продавцом и щедро накинув ему «на чай».

– В монастыре уже были?

– Да, вчера познакомились.

– А теперь сходите на дачу Сталина, – посоветовал абхаз.

– Неужели здесь есть такая достопримечательность?

– Да. Но о ней мало кто знает.

– Я большой поклонник Сталина, – доверительно сказал нефтяник, – и уж такой возможности не упущу.

– И правильно сделаете. – Абхаз был в прекрасном расположении духа. – Дача находится рядом с монастырём, двести метров направо, сразу за пансионатом.

Услышав информацию о сталинской даче, я обрадовался не меньше сибирского богатыря.

– Если вы не будете возражать, давайте совершим экскурсию вместе, – обратился я к нефтянику и его супруге.

– Предложение принято, – не раздумывая, согласился сибиряк.

И мы немедленно отправились по указанному адресу.

Ворота на территорию дачи были открыты. Рядом стояла будка охранников, но в ней никого не было. Мы беспрепятственно вошли на заповедную территорию. Асфальтированная дорога убегала вперёд, делая плавный изгиб. Справа от дороги на пологом склоне раскинулся обширный мандариновый сад; за ним открывался великолепный вид на море. Слева склон был гораздо круче, здесь росли мандариновые, инжировые и апельсиновые деревья.

За поворотом дорога пошла на возвышение. У обочины, на железном треножнике, мы увидели старую, покосившуюся от времени табличку. Она гласила: «Стой! Стреляют!» Буквы были ровные, чёткие, яркие, как будто их написали только вчера.

– Ой! – воскликнула супруга нефтяника. – Боюсь! Вдруг начнут и вправду стрелять.

– Не верь написанному, Надюша! – успокоил её супруг. – Эта страшилка пережила самоё себя.

– Серёжа, а вдруг? – блондинка округлила глаза.

– «Вдруг» уже не вдруг, – заверил её Сергей.

Асфальтированная лента сделала крутой поворот влево (всё время на подъёме), и перед нами открылась дача Сталина. Это был большой добротный двухэтажный дом с галереей на втором этаже, обращённой в сторону моря. Около дома была довольно большая площадка для транспорта. Её окружали высокие неприглядные эвкалипты. Деревья были обнажены: часть бледно-зелёной коры упала на землю, а часть – повисла на ветвях и была похожа на лохмотья нищего, повешенные для просушки. Кое-где на белых алебастровых стволах виднелись коричневые подтёки. Среди эвкалиптов росли низкая, но пышная пальма и два кипариса, один старый и тёмный, а второй молодой и зелёный.

Солнце стояло в зените; было очень тихо.

Сергей обвёл глазами галерею, крыльцо с входной дверью, высокие светлые окна.

– Не дом, а царский дворец, – сказал он. – В нём бы жить да жить.

– И не только летом, но и зимой, – добавила Надежда.

В верхней части площадки находилось большое инжировое дерево; оно было наполовину ограждено двумя рядами тёсанных камней; видимо, когда-то, в давние времена, тут была полуклумба с цветами. На ближнем полукруге сидели два молодых парня-абхаза: один рыжеватый, с бесцветными глазами, с мелкими яркими веснушками; другой тощий, высокий, с острым кадыком и тонким хрящеватым носом.

– Можно познакомиться с дачей? – спросил я у них.

– Нэт экскурсовода, – лениво ответил рыжеватый.

– А когда будет?

– Через час-полтора.

– Я подожду. А вы? – обратился я к своим спутникам.

– Мы тоже, – с готовностью согласился Сергей. – Час-полтора – это не время.

Парни-абхазы (это были сторожа) встали и удалились в сторону другого дома, который виднелся невдалеке среди деревьев.

– Они охраняют не дачу, а самих себя, – кивнул в их сторону Сергей. – Мол, мы пойдём отдыхать, а вы как хотите.

– Нам это только и нужно, – сказал я. – Для начала давайте осмотрим дачу снаружи.

Дом внушал уважение – своим изящным архитектурным замыслом и тщательностью отделки любой детали. Иначе и быть не могло: ведь в нём жил не простой человек, а глава могучего государства, который, подобно царю Иоанну Грозному, наводил ужас на всех врагов – как внутренних, так и внешних; личность, производившая сильное впечатление на любого человека, который с ним встречался, будь то соотечественник или иностранец, простой смертный или особа королевской крови, дипломат или архиерей.

В той части дома, которая была обращена в сторону двора, мы ничего интересного не обнаружили, так как почти все окна были зашторены.

– Пошли дальше, – скомандовал Сергей. – Открытия будут впереди.

Он оказался прав. Большую часть первого этажа, окна которого смотрели в сторону моря, занимала бильярдная: большой стол с зелёным сукном, два кия у стены, белые шары на двух полочках. В верхней части всех сеточек, венчающих лузы, виднелись дыры.

– После смерти Сталина бильярд не бездействовал, – сделал вывод Сергей.

– За полтора часа и мы могли бы партийку-другую сгонять, – размышлял я. – Что стоило сторожам дать нам ключ от этого заведения.

– Ничего, перебьёмся, – сказал Сергей. – Тут ещё масса интересных вещей.

В правой части зала был экран, а в левой, на стене, несколько отверстий для киноаппаратов; на небольшом возвышении, у стены, стояло несколько удобных кресел.

– Сталин чепуху не смотрел, – сказал я, – у него был прекрасный вкус, он отбирал только лучшие ленты, которые создавались на киностудиях мира.

– Причём ленты без непристойностей, – подтвердил Сергей. – Пошли дальше.

Следующее помещение занимала киноаппаратная: на полу валялись куски киноплёнок, на столе, как и шестьдесят с лишним лет назад, виднелись приспособления для перемотки плёнок – они словно ожидали, что опытный киномеханик вот-вот подойдёт к ним, вставит ленту и начнёт быстро крутить ручку. Рядом с киноаппаратной находилась комната для отдыха киномехаников: диван, несколько стульев, низкий столик с графином и стаканами.

В торце дома была лестница на второй этаж, но, к сожалению, путь к ней преграждала ажурная пристройка.

– Интересно, пустит экскурсовод нас на галерею или нет? – задала вопрос Надежда и сама же на него ответила: – Она наверняка скажет: «По ней прогуливался Сталин, а больше никто по ней не ступал и ступать не будет»...

– ...кроме неё самой и директора музея, – закончил Сергей.

– А полюбоваться панорамой можно и отсюда, – заключил я.

Панорама, открывавшаяся перед нами, была поистине изумительной. Зелёный склон, засаженный фруктовыми деревьями и виноградником, плавно убегал вниз, а за ним простиралась необъятная, манящая, волшебная гладь моря. Она искрилась мириадами ослепительных искр. В нескольких милях от берега плавно скользил белоснежный океанский лайнер с двумя трубами, наклонёнными в сторону кормы. Глядя на него, невольно думалось о далёких и жарких странах.

Неровная береговая линия убегала в сторону Сухуми; неожиданно она круто повернула в сторону открытого моря, как бы на перехват океанского лайнера; увидев тщету своих усилий, она так же круто повернула влево и продолжила свой путь на юг.

Отроги Кавказского хребта, словно лихие скакуны, соревновались между собою в силе, отваге и удали, стремясь как можно быстрее достичь сочных прибрежных пастбищ.

– Прошло уже не полтора, а целых два часа, – заметил Сергей, посмотрев на часы, – а экскурсовода как не было, так и нет. Что будем делать?

– Заглянем к сторожам, – предложил я.

Дом, в котором укрылись сторожа, утопал в зелени; он пострадал от времени довольно сильно, чего нельзя было сказать о даче. Мы вошли внутрь и увидели в небольшой комнате наших знакомых. Они полулежали на диване. У меня сложилось впечатление, что им не только сидеть, но и лежать было лень.

– Будет ли сегодня экскурсовод? – спросил я.

– Этого мы не знаем, – ответил тощий, не меняя позы.

– А кто знает?

– Никто, – добавил рыжеватый, также не меняя позы и не двинув ни одним членом.

– Можно осмотреть этот дом? – поинтересовался я.

– Нэт.

– Они не знают и не хотят знать ничего, – произнесла Надежда, когда мы покинули негостеприимный дом. – Если бы мы спросили, как их зовут, то они, наверно, и на этот вопрос затруднились бы ответить.

- Им даже языком лень шевельнуть.
- А почему они сказали, что экскурсовод будет через полтора часа?
- Они сказали первое, что пришло на ум.
- Беда с ними.
- Я приду на дачу и завтра, – сказал я. – А вы как?
- Мы тоже, – заверил меня Сергей. – Мне очень хочется посмотреть, как отдыхал наш вождь.

## II

Следующий день был воскресным. После полудня я отправился на дачу. Сергей и Надежда поджидали меня около мандаринового сада.

– Продолжим знакомство с вождём? – Сергей пожал мою руку. – То есть я хотел сказать, с его дачей?

– Скорее, с его привычками и наклонностями, – уточнил я.

Сторожей, как и вчера, было двое, но совсем другие: на том же месте, под деревом, сидели пожилые аксакалы. Один из них был в национальной шапочке и с длинными прокуренными усами; другой – без национальной шапочки и без усов, но зато с самодельной самшитовой, с затейливыми узорами тростью.

Я обратился к первому, посчитав его старшим, но не по летам, а по какой-то внутренней основательности:

– Можно увидеть экскурсовода?

Аксакал не спеша провел рукой сначала по одному усу, затем по другому, поправил национальную шапочку, посмотрел на меня, на моих спутников и только после этого произнёс:

– Её нет. У неё суббота и воскресенье выходные дни.

Информация, которой обладали сегодняшние сторожа, ставила их сразу на несколько ступенек выше вчерашних.

Аксакал снова погладил усы, которые, без сомнения, составляли предмет его мужской гордости.

– Приходите завтра, – предложил он, – она обязательно будет.

– А директор?

– Тоже.

– Он мужчина или женщина?

– Мужчина. Очень толстый. – Аксакал показал руками его толщину; видимо, она показалась ему недостаточной, и он ещё более развёл руки. – Очень настоящий мужчина. Но он бывает только... – аксакал посмотрел на небо – ...когда солнце подойдёт к этому эвкалипту. А когда солнце осветит гранаты... вот на этом дереве... и гранаты станут... ну, как будто их подожгли... тогда он уезжает домой. У него очень красивая жена. С глазами, как у газели.

– Приходите, дорогие, – включился в разговор сторож с тростью. – Сталин вас будет ждать.

«Этих сторожей по сравнению со вчерашними можно назвать настоящими энциклопедистами», – подумал я.

На обратном пути мы обнаружили два теннисных корта; они спрятались за проволочным сетчатым ограждением, заросшим густым вьюном. К ним вели каменные ступеньки. Корты заросли травой так, что можно было пасти не только коз, но и коров.

– В бильярд играют, а в теннис – нет, – сказала Надежда, прохаживаясь по корту. – Серёжа, как ты думаешь, почему?

– Здесь надо двигаться, а там какое движение? Лёг пузом на борт стола и лупи по шарам, – внёс ясность Сергей.

Мы договорились встретиться завтра и расстались.

## III

– Ну, на третий-то раз нам, может, и повезёт, – сказал я, когда мы подходили к сталинской даче.

– Если директор соизволит расстаться со своей женой-красавицей и если экскурсовод не уедет навещать свою любимую тётю, – добавил Сергей.

– И если сегодня они не сделают санитарный день, – рассмеялась Надежда.

На площадке перед домом стояли три машины: ГАЗик, «Жигули» и «Тойота».

– Жизнь бьёт ключом! – потёр руки Сергей. – На «Тойоте», наверно, приехал директор, на «Жигулях» – экскурсовод, а на ГАЗике – завхоз.

Мы вошли в дом и оказались в приёмной; это была большая комната с высокой вешалкой желтого цвета на растопыренных ножках, удобным диваном, низеньким чайным столиком и несколькими стульями вокруг него; на стене висела картина Михаила Нестерова «Видение отроку Варфоломею»; за письменным столом сидела пожилая женщина в тёмном платье, рядом, на диване, женщина средних лет в свитере, плотно облегающем её фигуру, и в брюках, а на стуле молоденькая девушка в платье цвета спелого абрикоса.

– Можно видеть директора? – обратился я к женщине за столом.

– Проходите, Даур Бесланович Агрба у себя в кабинете, – низким грудным голосом ответила женщина.

Навстречу нам не без труда поднялся из-за стола толстый грузный абхаз в расстёгнутом пиджаке и в яркой цветной рубашке. Он по очереди пожал мне и Сергею руки, а руку Надежды заключил в свои большие тёплые ладони и сделал ей небольшой поклон.

– Чем могу быть полезен, дорогие гости? – осведомился он.

Я сказал, что мы большие почитатели Иосифа Виссарионовича и хотим познакомиться с его дачей.

– Очень хорошее намерение, – похвалил нас Даур Бесланович. – Гунда! – позвал он звучным голосом.

В кабинет вошла женщина средних лет с приятным загорелым лицом.

– Проведи экскурсию для наших гостей, – распорядился директор. – Расскажи о Сталине так, чтобы они полюбили его ещё больше.

Женщина кивнула и жестом пригласила нас следовать за нею. Мы вошли в просторную комнату с несколькими большими светлыми окнами; посреди неё находился длинный стол, с обеих сторон которого стояли красивые стулья с мягкими спинками и сиденьями.

– Это банкетный зал, – пояснила Гунда. – Он отделан дорогими сортами дерева: ясенем, грабом, карельской берёзой. Вся мебель – стол, стулья, зеркала – трофейные, вывезены из Германии.

– Красота-то какая! – воскликнула Надежда, поворачиваясь то направо, то налево и рассматривая удивительный зал. – А какие чудные зеркала! – Она подошла поближе к одному из них, вделанному в стенку, любуясь не столько зеркалом, сколько своим отражением в нём; лёгкими, порхающими движениями обеих рук поправила причёску: было выше её сил – смотреться в такое изумительное зеркало и не поправить причёску, хотя последняя в этом совершенно не нуждалась. Затем она перешла к другому зеркалу и, не удержавшись, полюбовалась собою и в третьем.

– Будь твоя воля, дорогая, ты бы пробыла в этом зале до вечера, – пошутил Сергей.

– Будь моя воля, я бы осталась здесь до конца жизни, – в тон ему отозвалась Надежда, с большой неохотой отходя от зеркал.

Я провёл рукой по столу, – мне показалось, что я дотронулся до атласной шерсти соболя или лисицы.

– В этом зале Сталин обедал, – продолжала Гунда. – Он никогда не обедал один, за стол садились пять-шесть человек: его гости или приближённые. Еду приносили из кухни, которая находилась в соседнем доме. – Гунда секунду подумала, а потом сказала: – Если бы Сталин был сейчас здесь, он пригласил бы вас разделить с ним трапезу, – улыбаясь, произнесла она. – Думаю, вы бы не отказались.

– В таких случаях не принято отказываться, – подтвердил Сергей.

– Вы бы расположились на этой стороне, – Гунда указала рукой на правую сторону стола, – а остальные гости – на той.

– А сам Сталин?

– Во главе стола, у окна.

– Обед долго продолжался?

– В зависимости от того, кто сидел за столом и на какие темы шёл разговор. Вас он наверняка расспросил бы о том, где вы родились, чем занимаетесь, в каких условиях живёте, – он не упускал случая узнать разные подробности о людях.

– Ответы он получил бы исчерпывающие.

– Предположим, что трапеза уже закончилась и Сталин пригласил вас и остальных гостей в комнату отдыха, которая находится рядом и куда мы с вами сейчас пройдем. Вы можете убедиться, что эта комната по своей красоте и великолепному убранству ничуть не уступает банкетному залу. Сталин пригласил бы вас занять вот эти уютные кресла. Вы бы, конечно...

– ...поблагодарили его за любезность, – подхватил Сергей.

– Тогда милости прошу – расслаживайтесь. Приглашая вас немного отдохнуть, я как бы выполняю волю бывшего хозяина этого дома.

Действительно, всё в этой комнате – и удобные мягкие кресла, и небольшие, на двух-трех человек, диваны, и их светлая, радующая глаз расцветка, и чайный столик посреди комнаты с керамическим кувшином и хрустальными фужерами, и картины русских художников на стенах, и роскошные потоки света, льющиеся сквозь высокие окна, – всё в этой комнате располагало к хорошему, спокойному отдыху.

– До недавнего времени личность Сталина представлялась мне резко отрицательной, – сказал я, обращаясь не только к Гунде, но и к моим постоянным спутникам. – Это и понятно. Я черпал информацию из ложных источников. Во-первых, Хрущёв: он вылил на Сталина столько лжи, что её с лихвой хватило бы на добрый десяток государственных деятелей; во-вторых, Солженицын: этот человек жутко ненавидел вождя и клеветал на него везде и всюду, и в первую очередь в своём откровенном «ГУЛАГе»; я уже не говорю о лжецах меньшего калибра.

Правду о Сталине я узнал недавно – из фильмов и книг православных авторов. Передо мной предстал истинный патриот России, для которого благо и процветание Отчизны было превыше всего. Он – *спаситель России*. Он спасал её несколько раз. После смерти Ленина, в 1924 году, на пост главы государства претендовали два человека – Сталин и Троцкий. Сталин виртуозно переиграл своего соперника.

Троцкий в то время отдыхал и лечился в одном из южных курортов. Когда он вернулся в Москву, то... Пленум, на котором выбрали нового генсека, уже состоялся. Почему же он опоздал? Да потому, что в телеграмме, посланной ему, стояла не та дата.

Этот масон и сатанист хотел превратить нашу страну в большой концентрационный лагерь. Если бы он пришёл к власти, то уничтожил бы русский народ и Россия как государство прекратила бы своё существование.

– Об этом надо знать каждому русскому человеку, – сказала Надежда.

– Да и не только русскому, – добавила Гунда.

– Кроме того, Сталин выиграл Великую Отечественную войну, – продолжал я. – Расскажу вам одну историю, о которой мало кто знает. В октябре 1941 года над Москвой нависла страшная угроза: в любой момент немецкие танки могли прорвать фронт и появиться на улицах столицы. Даже Жуков, уж на что решительный и железный человек, и тот не исключал такой возможности. Пятнадцатого октября Сталин лично написал постановление об эвакуации из Москвы всех и вся. Это был, по сути, документ о сдаче Первопрестольной. Правительство и все посольства срочно покинули столицу. Закрылось метро. Основной состав Генерального штаба во главе с маршалом Шапошниковым убыл в Арзамас.

Однако на другой день ситуация круто изменилась. Написанный накануне приказ Сталин отменил. «Немедленно наладить работу трамваев и метро, – приказал он столичным начальникам, – открыть булочные, магазины, столовые, а также лечебные учреждения; обратиться по радио к москвичам и призвать их к спокойствию и стойкости. Врагу в Москве не бывать! Мы победим!»

Почему в поведении вождя произошёл такой поворот? Что на него повлияло? Откуда появилась уверенность в неминуемой победе? Все эти вопросы ставят историков, да и не только их, в тупик. Для них тут – неразрешимая загадка. А загадки никакой нет.

– Неужели? – воскликнул Сергей.

– Сейчас я поясню, в чём дело. Иосиф Виссарионович вырос в православной семье; его мать – Екатерина Георгиевна – была глубоко верующим человеком, она воспитала своего сына в истинной вере и очень хотела, чтобы он стал священником; юный Иосиф поступил в духовное училище, и не его вина, что ему не удалось его закончить.

Сталин понимал, что в такую грозную минуту, когда решается судьба России, уповать можно только на Бога и Его Пречистую Матерь. Поэтому, уединившись (это произошло, скорей всего, в одном

из кремлёвских соборов), он встал на колени и обратился к Ним с сердечной молитвой – так горячо, пламенно, дерзновенно, со многими поклонами можно, наверно, молиться только единственный раз в жизни. Ответ раб Божий Иосиф получил от Пресвятой Девы, Которая уверила его в том, что Москва выстоит, а враг будет разгромлен. Россия – это удел Божией Матери, и разве могла Она отдать нашу Отчизну на поругание супостату.

– Молитву Иосиф Виссарионович не оставлял не только во время войны, но и в мирное время, – продолжила мою мысль Гунда. – Здесь, на Новом Афоне, он, конечно, тоже молился – иконы есть и в его рабочем кабинете, и в столовой, и в спальнях. – Обратившись к иконе праведного Иосифа Обручника, висевшей на стене, она осенила себя крестным знаменем.

– Каждую минуту своей жизни Сталин понимал, что им руководит Промысл Божий. Если бы враги не отравили его и если бы он прожил ещё пятнадцать-двадцать лет, то он перевёл бы Россию на православные рельсы, и она стала бы таким могучим государством, что ей не страшны были бы никакие потрясения. Она задавала бы тон всем событиям как в Старом, так и в Новом свете.

– Америка не смела бы и пикнуть, – добавил Сергей.

– Русские люди жили бы так хорошо, как никакая другая нация... Как-то в один из первых послевоенных годов в кремлёвском кабинете Сталина собрались несколько военачальников. Речь зашла о том, как мы будем жить дальше. «В недалёком будущем, – сказал вождь, – мы начнём раздавать людям хлеб задаром». Военачальники переглянулись. Сталин подвёл их к окну. «Что там?» – спросил он. «Река, товарищ Сталин». – «Вода?» – «Вода». – «А почему же нет очереди за водой? Вот видите, вы и не задумывались, что может быть у нас в государстве такое положение и с хлебом. – Вождь чуть помедлил, а потом продолжил: – Если не будет международных осложнений, то есть войны, думаю, это наступит в 1960 году».

«И чтобы у нас у кого-нибудь было сомнение, Боже упаси!» – заключил маршал авиации Александр Голованов, поведавший в своих мемуарах эту историю.

Лицо Сергея озарилось, как будто на него упал луч солнца.

– И это было бы только начало! – произнёс он с большим воодушевлением. – Если бы Сталин остался жив, то вскоре (это верно, как дважды два – четыре) в нашей стране стали бы бесплатными соль, сахар, картофель и другие продукты. Со временем он бы отменил плату за жильё и коммунальные услуги, за электричество и газ. Бензин, конечно, тоже стал бы бесплатным. Наша страна добывает колоссальное количество нефти, и почти вся она продаётся за «бугор» по очень высоким ценам; доход оседает в карманах олигархов. А каковы у нас цены на бензин? Очень высокие. Продержись Сталин ещё какое-то время, у нас до сих пор были бы бесплатными образование и здравоохранение, а пенсии были бы такими же высокими, как в Германии или в Швеции. Одним словом, все блага, которые я перечислил, мог дать нам только Сталин, и никто другой.

После минутной паузы, во время которой мы воздали должное мудрости и дальновидности вождя, я снова заговорил:

– Сталин знал, что его в любую минуту могут уничтожить, и поэтому заблаговременно составил Завещание. В этом документе, как в зеркале, видна личность патриота России, её отца и благодетеля. Он знал, что его оклеветают, но знал и то, что рано или поздно клевета развеется и русский народ узнает о нём правду.

#### IV

Гунда поднялась со своего места.

– Если бы Сталин был с нами, он пригласил бы вас на прогулку, – сказала она. – А я приглашаю вас продолжить знакомство с его домом.

Миновав небольшой коридор, мы вошли в спальню; в ней были несколько кресел, шкаф для одежды, рядом с деревянной, довольно широкой кроватью с двумя невысокими спинками стояла тумбочка, а на ней – ночной светильник; на полу – большой, во всю комнату, ковёр, гармонизировавший по цвету как со стенами спальни, так и с кроватью; в спальне было одно окно, занавешенное шёлковой занавеской. Чистота и порядок были идеальные.

– В доме три спальни, – поведала нам Гунда.

– Почему три? – удивилась Надежда. – Разве Сталин состоял из трёх лиц?

– Нет, конечно, он был обычным человеком. Дело в том, что Иосиф Виссарионович страдал манией преследования. Вы спросите: откуда она появилась? От тех условий, в которых он жил и работал. Враги не дремали: смерть могла настичь его где угодно: и в рабочем кабинете, и в кремлёвском коридоре, и на совещании с членами правительства, и на прогулке, и в автомобиле, когда он ехал в Кремль или возвращался на подмосковную дачу, и в спальне, и где угодно. Вот откуда возник его недуг.

– Н-да, несладкая жизнь, – негромко произнесла Надежда.

– Иосиф Виссарионович ложился спать в одной спальне, через несколько часов переходил в другую, а потом – в третью. Никто не знал, где он находится в тот или иной момент.

Надежда подошла к ночному светильнику.

– Можно включить?

– Конечно.

Светильник выхватил круглое пятно на тумбочке; Надежда повернула его так, чтобы свет падал на подушку.

– Очаровательно, – сделала она заключение, выключив светильник. – У меня ещё один вопрос: здесь не одна, а две кровати, и обе одинаковые. Это для чего?

Гунда поправила покрывало на одной из постелей.

– Я думаю, вот для чего: уходя в другую спальню, Сталин оставлял на одной из кроватей, скорей всего на той, которая ближе к выходу, подобие человеческого тела, накрытого одеялом, то есть манекен. Для возможных убийц.

– А как они, то есть убийцы, могли проникнуть в дом, если он охранялся?

– Убийцы могут проникнуть куда угодно, на то они и убийцы.

– Н-да, – снова произнесла Надежда. – Очень несладкая жизнь.

– А сколько было покушений на Сталина? – спросил Сергей.

– Много, – ответила Гунда. – Но Господь его хранил. Сталин часто приезжал на эту дачу. Чаше, чем в другие места, потому что она наиболее безопасна. Но и тут (правда, всего один раз) на него было совершено покушение.

– При каких обстоятельствах?

– Во время прогулки.

– Сталин пострадал?

– К счастью, нет. Пуля прошла в нескольких сантиметрах от виска.

– Слава Тебе, Господи! – Надежда перекрестилась.

– Сколько человек охраняли эту дачу? – поинтересовался Сергей.

– Восемьсот вооружённых солдат.

– Ого!

– Причём их постоянно меняли.

– Почему?

– Наверно, для того чтобы они поменьше знали об этом месте.

– А где они жили?

– В двух многоэтажных корпусах. Вы проходили мимо них; там сейчас пансионат «Новый Афон»... Если вы не против, то пройдёмте в другую спальню, – пригласила Гунда.

Вторая спальня, размером побольше, была рядом с первой. Такие же кровати, тумбочка с ночным светильником, шкаф для одежды, ковёр, два окна, шторы – всё чистенькое, приятное для глаз.

Чтобы попасть в третью спальню, нам пришлось вернуться назад, в противоположную часть здания. Она была самая маленькая. Одна из кроватей была смята; видимо, кто-то отдыхал на ней – то ли сегодня, то ли вчера, то ли позавчера.

– А где рабочий кабинет Сталина? – спросил я.

– Вы в нём уже были: сейчас там кабинет директора, – ответила Гунда.

– У меня ещё один вопрос, – сказал Сергей. – Кто выбирал место для дачи?

– Сам Сталин. Он специально приезжал сюда, осмотрел несколько мест и остановился на этом.

– Кто её строил?

– Военнопленные немцы. Отбирали тех, кто владел какой-нибудь строительной специальностью.

– Быстро построили?

– За один год.



Вскоре мы снова оказались в приёмной.

– Присаживайтесь, – пригласила Гунда. – Сейчас Астанда угостит нас абхазским чаем.

При этих словах молоденькая девушка встала и вышла в соседнее помещение, где находилась, как мы поняли, кухня. Через несколько минут она вернулась с подносом в руках; на нём стояли четыре чашки с ароматным дымящимся чаем, большой фарфоровый чайник, а также пахлава, шербет и козинаки.

– Мы будем пить чай так, как будто нас угощает сам Сталин, – сказал я, беря в руки небольшую чашку с тонким орнаментом.

– Кстати, он очень любил абхазский чай, – сказала Гунда.

– Как вы думаете, Сталин бывал в Ново-Афонском монастыре? – задал я вопрос, который меня очень интересовал.

– Наверняка, – ответила Гунда, отпив глоток чая. – Если не явно, то тайно. В монастыре есть небольшой храм в честь иконы Божией Матери «Избавительница». Я уверена, что Иосиф Виссарионович заходил в него, чтобы помолиться и поблагодарить Божию Матерь за постоянную помощь.

Он и в молодости бывал здесь не раз, у своего духовного отца, архимандрита Иерона, который был настоятелем обители. Именно архимандрит Иерон благословил его на тот путь, которым он шёл всю свою жизнь.

– Выходит, Ново-Афонский монастырь явился для молодого Иосифа своеобразной гаванью.

– Да, именно отсюда вышел великий корабль под названием – *Сталин*. Он стал во главе России не потому, что сам захотел, а потому, что такова была воля Божия. Выполнить волю Божию... согласитесь, это удаётся далеко не каждому человеку.

Гунда взяла фарфоровый чайник и добавила в наши чашки кипятку.

– Как Иосиф Виссарионович добирался до своей любимой дачи? – спросила Надежда, отламывая кусочек пахлавывы.

– Обычно он прибывал морем; от берега до дачи идёт подземный тоннель, несколько минут езды на автомобиле – и он на месте.

В приёмную вышел Даур Бесланович.

– Всем довольны наши гости? – обратился он к нам.

– Вполне, – ответил я за всех.

– Если возникнут какие-то вопросы, на которые не сможет ответить Гунда, обращайтесь ко мне.

– Прекрасная Гунда знает, кажется, всё, что касается вождя. – Своим ответом я убил сразу двух зайцев: сделал комплимент Гунде, а попутно и директору, под началом которого она работала.

– После смерти Сталина дача, наверно, пустовала? – осведомился Сергей.

– Отнюдь нет, – возразила Гунда. – Здесь часто отдыхал Брежнев со своей семьёй.

– Он что-нибудь пытался здесь изменить?

– Абсолютно ничего, даже кровати и те остались на своих местах.

– Хрущёв приезжал сюда?

– Ни разу. Он построил себе дачу ближе к морю.

– А Горбачёв?

– Он Сталина не любил, поэтому отдыхал в других местах.

– В наши дни гости у вас бывают?

– Да. Это, как правило, чиновники высокого ранга из Москвы и Санкт-Петербурга. Отпуск у нас проводят.

– А кто их обслуживает?

– Да мы и обслуживаем.

– А если мы приедем к вам, примете нас? – улыбаясь, спросила Надежда.

– Почитателей Сталина мы принимаем в первую очередь, – улыбнулась в ответ Гунда.

Выйдя из гостеприимного дома, мы спустились к морю. К пирсу подходил быстроходный катер; вода за его кормой сильно забурлила, так как он, чтобы остановиться, дал задний ход; через минуту он пришвартовался к стенке пирса.

– Вот на таком катере Сталин прибывал на Новый Афон, – сказал я. – Мне кажется, здесь он не столько отдыхал, сколько думал о будущем России и о благе своего народа, который искренне любил и ценил...